
Автор представлен членом Художественного совета **Петрой Калугиной**

Просто

Мы просто родились, но и за этим "просто"
Есть маточный напев амбициозных звёзд,
Разлитый от реки вдоль леса до погоста,
Где одинокий храм в сырое небо вмёрз
Крестом - как в прорубь кол, забытый рыбаками,
Как оловянный стог в артикулярной мгле,
Как... дальше не могу - не отогреть руками,
Не продышать глазок на мертвенном стекле,
Умом не возвратить, душой не заневолить -
Стучат костяшки птиц на чётках проводов
Высоковольтной ЛЭП - я так устал от боли,
Что даже и о ней поведать не готов.
Мы просто родились без умысла, без света,
И пристально глядим на сумрачный огонь...
А, может, он глядит устало и приветно,
И гладит по щеке, как мамина ладонь -
Не выжигая слёз, пролитых понапрасну,
Не лихорадя плоть, не остужая пыл...
Мы просто родились... И это так прекрасно,
И любопытно так, и страшно что есть сил.

Детские принципы

Имеет неправильный прикус обрывистый берег реки.
По принципу: накося-выкусь - висят на крючке червяки.
По принципу: шило на мыло - камыш распушил берега,
Ночного тумана кадило - из принципа: а на фига?
По принципу: наискось-сикось плывут облака, зеленясь,
Копна, окаймившая выкос - из князи (по принципу) в грязь.
Гульнула дородная щука - из принципа дремлет карась,
Засунул из принципа руку я в реку, как Грека, боясь.
Навыорот-шиворот раки ужасливо ширят зрачки,
Из приципа: окунь воякий позарился на червячки!
Вдруг замерло всё: шито-крыто. Из принципа вышла луна:
Хочу я новее корыто, - решила старуха одна
Из принципа. Принципиален мой выбор: не буду жаднеть!
По принципу боя без правил, где павшего надо жалеть.
Я окуня чуть поматросил и бросил (из принципа) вспять...
С лукавой улыбкою осень небрежно разгладила прядь
Берёзовой рощи. До дому, гремя оголтелым ведром,
Я шёл, ощущая истому: добро возвратится добром.

Трапеза

Жук ел траву, жука клевала птица...

Н.А. Заболоцкий

Траву - не есть! В ней только утонуть, как тонут звёзды в лужах на дороге...
Как тонет вековечный (?) Млечный путь, так осенью протягивает ноги
Березовая роща. Натощак... слепней, листву проглатывают реки.
А месяц, обезножен и дощат, под видом родословного калеки,
Посильно забарматывая рожь, ворует сено - ключьями с остожий.
Я знаю: ты сегодня не придёшь, не украдёшь, не вынянчишь, но все же...
Траву едят улитка, шелкопряд; парит над бездной восходящий сокол.
Все здесь едят, кого-нибудь едят. И пусть меня поправит Фемистокл,
Пожравший персов. Персики в саду... - трава опять ведёт себя по-свински.
(По-свойски разговаривай в аду, по-фински разговаривай со Сфинксом.)
Выходит, что природа - каннибал, обыденно себя уничтожая,
Как Золушка, бредущая на бал, и, обещая светоч урожая,
Морит нас голодом... Кузнечик ест траву, морянка угрожает насекомым,
Куница сладкий мозг сосёт во рву, а кто-то похваляется саркомой.
Ты прав был, Заболоцкий Николай, когда стелил нам травы к изголовью.
Я слышу то ли хохот, то ли лай: природа смачно сплёвывает кровь.

Одоленцы

Неотступное чувство Китая - муравейник в сосновом лесу...
Первый снег оседает, не тая, как следы реактивного Су.
Перелесок разлапистым гризли, любопытствуя, встал на дыбы,
Исчезают неясные мысли, словно вбитые гвозди в гробы.
Как взъерошенный чубчик ребёнка, вдоль дороги - сухая трава,
На воде - полимерная плёнка, освещаемая солнцем, нова.
Стог, покрывшись навязчивым снегом, неожиданно лопнул по швам...
Хорошо, открестившись от века, прижимать невесомость к губам!
Сколочу (а зачем?) табуретку, почитаю, от скуки, Ли Бо...
Приобщая еловую ветку и, в одном экземпляре, прибор
Для молитвы минувшему году (как не вовремя умер сосед!).
Неотступное чувство исхода? Или чувство, что выхода нет?

Соматика

Соматика сома, застрявшего в мереже, соматика холма, что сведущ, но
бескрыл.
Есть берег у реки, у моря - побережье... Шумит отшельник-лес, как оберег
могил.
Мне осень-Гуинплен настраивает рожи, пороша не спешит, кривые зеркала
Оглубиневших луж на глинобитном ложе - стремительной воды обыденный
коллапс.
Энигмы чёрных звёзд на шифровальном небе по шиферу стучат сережками
ольхи.
Как трудно отделять зерно луны от плевел дебелых облаков, застрявших у
стрехи.
Привратники-стога налётом амальгамы зияют в темноте, эмульсия беды -
Тумана молоко, лёд, перекрестье рамы... Гигантские следы - замёрзшие
пруды.
Невольно всплыл в уме рассказ о Блендерборе, где полоротый сыр -
бульжник в кулаке...
Есть берег у реки, у побережья - море, есть оберег души - лампадка в уголке.

Мост

Протиснись в скрипучую душу зимы!
Возьми у подлеска осины займы.
Природным огнём упоённая печь,
Трещит, как - по крепким редутам - картечь.
Мой сон проявляется явью во сне,
Где мама читает Чуковского мне,
Где вечность скрывает увечье реки,
Чьи камни разбиты, как - в кровь - кулаки.

Война из-за женщины, пары грудей.
(Не лучше, чем сплыли от Нюшки моей...)
Я ртом их ловил, как в сачок - мошкарю,
Как спелые листья на белом юру.
Из всей " Илиады " мне нравится конь,
Его, хоть седлай, хоть паси, хоть жаргонь...
Хоть шпорь на рассвете - в его животе
Ахейцы, как дети, сидят в темноте.

Протиснись в холодную душу мою,
Узнаешь, как страшно стоять на краю,
Фунт лиха почём (красен долг платежом),
О долге узнаешь отдельно - потом.
Молитва пурги - рукодельна, темна...
На фоне закрытого мною окна -
Полночное небо из кровельных звёзд,
И в детство ведущий - расшатанный мост.